Меценатство в «чистой» науке

А. П. Расницын,
доктор биологических наук
Палеонтологический институт АН СССР
Москва

ОБЩИЙ кризис социализма (в его отечественном исполнении) в полной мере сказался и на науке. Сейчас самой острой оказалась проблема денег, особенно в Академии наук СССР после поспешного повышения зарплаты ее сотрудникам. В институтах только и слышно: задерживают зарплату, в отдельных — персоналу уже предлагают длительный отпуск за свой счет. Это пока, а вообще, без массовых сокращений, уверяют, не обойтись. А уж о командировках, экспедициях, покупке оборудования и даже оплате почтовых расходов за обмен литературой с зарубежными коллегами забудьте.

Рамки сравнительно честного получения денег на исследования сейчас дополнительно сузились из-за того, что ряд организаций и ведомств, до сих пор неплохо помогавших науке, сами оказались на мели. Некоторые пути тем не менее сохранились или появились новые[1]. Существует, однако, проблема, давно уже весьма болезненная во многих областях науки, но не затронутая в публикациях. Речь идет о простом или хотя бы суженном воспроизводстве научных кадров, сложившемся в ряде областей, которые считаются второстепенными, из-за чего коллективы стареют на глазах и обречены на потерю потенциала и вымирание. Перспективность научного направления, определяющая его финансирование и выделение ставок, обычно оценивается с учетом факторов, лишь косвенно связанных с реальными достижениями конкретного коллектива. В тех случаях, когда престиж научного направления выше его оценки «научными властями», может оказаться полезен опыт лаборатории членистоногих Палеонтологического института АН СССР.

Эта лаборатория, созданная в 1936 г. знаменитым энтомологом А. В. Мартыновым и руководимая 40 лет (1938—1977 гг.) Б. Б. Родендорфом,— единственный в мире устойчивый коллектив палеоэнтомологов, в котором ископаемые насекомые изучаются комплексно — специалистами по отдельным группам насекомых[2]. В других странах подобную работу ведут немногочисленные универсалы-одиночки, что не может не сказаться на глубине и надежности результатов. Не удивительно, что лаборатория — давний и признанный мировой лидер в палеоэнтомологии. Несмотря на это и на несомненную перспективность исследований для теории и практики (теории эволюции, палеоэкологии и палеобиоценологии, стратиграфии, ландшафтно-климатических реконструкций и т. п.), ее численность с 1967 г. неуклонно сокращалась. В такой ситуации будущему коллективу не позавидуешь — половина сотрудников достигнет пенсионного возраста через семь лет. Однако элементы рыночной экономики, проникшие в наше общество, открыли возможность преодолеть неблагоприятную тенденцию.

Речь идет о спонсорстве или, скорее, о меценатстве, без которого, в будущем, похоже, «чистая» наука не проживет. Отечественные условия особенно благоприятствуют меценатству в воспроизводстве научных кадров — уж слишком низка наша зарплата. Но благотворительное финансирование связано с риском в любой момент лишиться источника финансов (из-за банкротства мецената, вмешательства государства или по иным причинам). На Западе (мне известен лишь опыт США) предпочитают иной путь: меценат единовременно передает учреждению сумму, на проценты с которой и содержит работников. У нас этот путь пока не очень приемлем, так как наша экономика нестабильна: мало устойчиво богатых людей, готовых жертвовать на науку ради престижа, ненадежны банковские проценты и сами вклады, нет разработанной налоговой политики, стимулирующей благотворительность. И мы нашли свой вариант.

Нам удалось убедить состоятельного американского бизнесмена в том, что направление исследований лаборатории членистоногих перспективно и важно, а сверх того, не лишено привлекательности и для неспециалистов, т. е. способно сработать и на рекламу. Насекомые в янтаре вызывают много ассоциаций, а отпечаток, сохранивший тончайшие детали строения хрупких существ, живших на Земле 200—300 млн. лет назад, способен вызвать религиозный восторг перед мудростью природы.

Восприимчивым к красоте нашей науки оказался бывший соотечественник, а ныне президент небольшой, но процветающей компании «Капервуд энтерпрайзес» из г. Эвона (Массачусетс, США) Э. Каперман. Он сумел не только сам проникнуться нашими проблемами, но и убедить компаньонов, что выделение небольшой суммы из доходов (в рублях) может обернуться на пользу и компании: ес-

[1] См., например: Наука и рыночная экономика // Природа. 1990. № 12. С. 3—14.

[2] Расницын А. П. История палеоэнтомологии и история насекомых // Природа. 1990. № 6. С. 66—80.

ли нам суждено создать цивилизованный рынок, будут и налоговые льготы, стимулирующие благотворительность.

Легко догадаться, что практическое осуществление операции не было простым. Прямое перечисление денег в бюджет института наши благодетели сочли нежелательным, так как высокие накладные и прочие побочные расходы оставили бы на зарплату треть, если не четверть выделяемой суммы. Поэтому был выбран косвенный путь. Мы воспользовались, по рекомендации заместителя председателя Октябрьского райсовета Москвы В. И. Жегалло, услугами Фонда экологической и социальной гармонии «ЭКОСОГА» и его президента М. Кавицкой. Компания учредила две Капервудовские стипендии по палеоэнтомологии (при Палеонтологическом институте АН СССР) Фонда «ЭКОСОГА», а также Совет, присуждающий эти стипендии, в который вошли представители лаборатории и фирмы. Совет утвердил Устав Капервудовской стипендии и утвердил двух первых стипендиатов. Размер стипендии 400 руб. (с последующей корректировкой с учетом инфляции). Предполагаемый срок выплаты стипендии пять лет, но в соответствии с основной целью фактически он будет определяться наличием вакансий в штате лаборатории. Дочерняя московская фирма «Капервуд инкорпорейтед» перечислила часть из ежегодных 12 тыс. руб. на счет «ЭКОСОГА», в чей штат и включили стипендиатов, прикомандированных к нашей лаборатории. Эксперимент начался к общему удовлетворению.

Черная ворона уничтожает «гнезда» кижуча

Е. Г. Лобков,
кандидат биологических наук
Кроноцкий биосферный заповедник

ОРНИТОЛОГИ не перестают удивляться способности ворон находить новый, не свойственный виду корм, проявляя чудеса хитроумия. На Камчатке, в г. Елизово, расположенном на р. Авача, в которой нерестятся все виды проходных лососей (чавыча, нерка, кета, горбуша, кижуч), обитающая здесь черная ворона приспособилась разорять «гнезда» кижуча. Нерестится он позже всех сородичей, икру откладывает на дне ключевых озер и в прибрежном мелководье небыстрых проток.

Весной до начала половодья, в короткий промежуток времени, когда протоки мелеют настолько, что обнажается галечниковое дно, черные вороны стаями собираются по берегам и вылавливают из воды все живое. Три года назад, мы впервые наблюдали, как вороны уничтожали гнезда кижуча: на 100-метровой прибрежной полосе протоки мы насчитали 6 гнезд, в которых было от 2 до 10 крошечных, примерно двухнедельных мальков с желточным мешком-икринкой и небольшое количество погибшей икры. Большинство мальков были малоподвижны, лежали на дне и оказались хорошо заметны благодаря желточному мешку красного цвета. На них-то и охотились 10 ворон.

Птицы заходили в почти стоячую воду и, опуская голову, переворачивали клювом один камень за другим, явно выбирая более крупные и плоские, будто знали, что именно под ними можно обнаружить гнезда кижуча. Мальков и икру они тут же съедали. Если какой-нибудь вороне не удавалось перевернуть очень крупный камень, на помощь прилетала другая. И в случае удачи лакомились обе. Большинство ворон действовали так, словно обучались друг у друга. Но несколько птиц паразитировали. Усевшись на кромке берега или на выступающих из воды больших камнях, они зорко следили за событиями, и как только какая-то из охотниц находила мальков, «птица-паразит» тут же принималась делить добычу. Через 2 дня на этом и соседнем участке протоки мы не обнаружили ни одного гнезда кижуча. В апреле 1989 г. все повторилось. И хотя вороны грабят гнезда кижуча лишь до начала весеннего половодья (т. е. всего 2—3 недели — в конце марта и в апреле), пока выклевываются мальки, причем только на отдельных мелководных протоках, они все же наносят урон поголовью кижуча. В Елизове постоянно обитает несколько тысяч черных ворон, значит, они способны уничтожить значительное количество мальков ценной породы лососевых. Населенных пунктов в долине Авачи много, и в каждом множество ворон, которые уже сейчас «контролируют» нижнее течение реки на всем его протяжении (25—30 км).

ISSN 0032—874X

ПРИРОДА

8 '91

